

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОКОВ

С ТЕХ ПОР ПРОШЛО так много лет, что Мария Николаевна Волкова рассказывает будто не о себе, а о какой-то знакомой девочке Маше, которую она хорошо знала в тридцать седьмом году. Вела ту девочку заведующая Ковыринским детским домом устраниваться на работу. Идет рядом и все что-то говорит ей, говорит о жизни, которая ждет Машу, выросшую в детском доме.

Кончилось Машино детство. Была своя койка с байковым одеялом, были рядом добрые люди, учителя, были сверстники — ребята. А сейчас пора выбирать себе самостоятельную дорогу. Семнадцать лет исполнилось. Вот и ведет ее заведующая детдомом в новую жизнь.

Но шла Маша не просто на работу. Шла она в артистки, в ТЮЗ, шла — к Бадаеву.

И теперь стоит маленькая церковь напротив нового красивого здания драмтеатра. Она и была первым пристанищем театра юного зрителя, который организовал в Вологде Ананий Васильевич Бадаев, человек неугомонной души.

— Он мне тогда показался очень строгим, — вспоминает Мария Николаевна. — Ну, ду-
— аря, — завалю я сейчас испытания, и кончится моя мечта играть на сцене. Рассматривает он меня и что-то спрашивает. А у меня язык, как деревянный, и ноги дрожат. Стою перед ним и думаю: «Что же я делаю? Ведь в детском доме меня считали сорвиголовой. На сцене перед своими детдомовскими не робела — играла, плясала, пела. А как мне аллодировали!». Взяла себя в руки, стала на вопросы отвечать. Ананий Васильевич что-то веселое сказал, я рассмеялась. А потом и песню спела, и басню читала. Словом, выдержала испытания и стала студийкой при театре юного зрителя.

Нас, студийцев, набралось восемь человек. Все остальные жили в семьях с родителями, а мне жить негде. Задумалась я, и так мне стало одиноко... Вспомнила детский дом, все в нем привычное, родное, и расплакалась, забившись в уголочек. И Ананий Васильевич все понял. Распустил руки моих худеньких плеч: «Вот что, Маша, пока на ноги встанешь, поживешь в моей семье. Все будет хорошо».

В напряженной работе быстро побежали дни. Вскоре Маша стала исполнять небольшие роли в спектаклях. А Ананий Васильевич организовал еще и группу кукольников при ТЮЗе, это, — как он объяснил студийцам, — чтобы не обижать маленьких вологжан.

Так все студийцы и стали артистами кукольного театра.

В здании церкви было сыро и холодно. А приходилось в этом здании бывать помногу часов. Молодые артисты все делали сами: куклы, декорации, костюмы. Но главное — творческая учеба, работа над спектаклями, репетиции и репетиции. Не в тягость были и частые гастроли по области. Забирались в самые отдаленные уголки. Много раз приходилось шагать по проселочным дорогам со всем театральным имуществом на плечах — от лесопункта к колхозу, от колхоза к райцентру... Артистам было по семнадцать-девятнадцать лет. Казалось, страстную любовь к своей профессии, к сцене ничто не может у них отнять. И не думалось тогда о страшном, трагическом, что ждало их впереди.

Они плыли на небольшом суденышке в Вологду. Оттого, что очень хорошо поработали, что их тепло принимали зри-

«НАШИ ЗОРИ ТИХИЕ»

тели, что наконец-то ехали домой, было радостно и весело. Землю обняла теплая июньская ночь, самая короткая в году. Плясали жемчужные блики на потревоженной их суденышком речной глади. Кто-то на ходу сочинял — «Ты красавица, наша Сухона...» Маша притихла, задумалась. Рядом Сережа, рука в руке. Как же хорошо на земле!

А она, беда людская, поджидала их на пристани. Страшная весть о войне оглушила. Померкла радость в глазах.

На второй день получили повестки Сережа Михайлов, Ваня Шабаля, Леня Синицын, Володя Худяков. Призвали и других артистов ТЮЗа.

— Ушли наши мальчишки на фронт, а нам, кто остался, хоть волком вой от тоски. Хорошо, что филармония организовала концертную группу. В нее вошла и я. Мы уехали на фронт. Шли тяжелые бои под Тихвином... Запомнились Подборовье, Ефимовские...

Всю зиму небольшая концертная группа разными способами добирались то к танкистам, то к зенитчикам, то к пехотинцам. Маша выступала с куклами. Аккомпанировал ей на баяне Ваня Писанко.

Пальцы от холода делались деревянными, а он играл.

В начале весны фронтовые артисты приехали в Вологду, чтобы обновить репертуар. Маша снесла реквизит концертной бригады на склад драмтеатра, а сама отправилась в горком комсомола проситься на фронт. Через неделю получила повестку.

В Вологде формировался дивизион зенитчик. Сто тридцать пять девушек проходили в нем подготовку. Вскоре их распределили по батареям.

— И пошли мы со своими зенитками по военным дорогам, до самого конца войны, до Победы! — тихо рассказывает Мария Николаевна и думает о чем-то трудном, своем.

Я вспомнила недавнюю встречу с Марией Николаевной Волковой, на юбилейном вечере, посвященном сорокалетию театра кукол. Она была в строгом синем платье. Грудь украшали боевые награды, которые она получила за доблесть в Великой Отечественной войне.

К празднованию тридцатилетия Победы над фашистской Германией Волкова разыскала своих боевых подруг-зенитчиц, пригласила их в Вологду. С трудом узнавали друг друга. И все же узнавали и вспоминали, как, рискуя жизнью, берегли они небо Родины, не давали прорваться фашистским самолетам к нашим городам, к позициям наших войск. Вспоминали суровое и порой озорное. Ведь были они тогда просто девочками.

— Что ты делала, Маша, все эти годы?

— Играла в театре кукол. Потом много лет работала во Дворце пионеров. Педагог и руководитель детского самодельного театра кукол. Многие мои ученики стали профессиональными артистами...

— Мы, когда смотрели кинофильм «А зори здесь тихие»... Представляете, что с нами творилось? Плакали, конечно. Ведь это фильм и о нас. Точно так же сидишь, бывало, на батарее, несешь вахту, а на горизонте чуть-чуть посветлело. И пташка, сначала одна, подает голос — затихнет. Потом вторая, и вот уже целый птичий хор. Восток все ярче и такой розовый, нежный, тихий. И вдруг — гу-у-у-у. Это фашистские стервятники. Сердце, как подранок забьется, а руки впиьются в оружие, глаза ножами врежуются в небо. «А ну, гад, давай! Лети, встречю, как положено!».

Иногда и теперь по ночам снится такое. Откроешь глаза и долго уснуть не можешь. Все еще мысленно идешь по тем дорогам, несешь ту военную вахту с зорями тихими, зорями грозными.

А. МЕДВЕДСКАЯ.